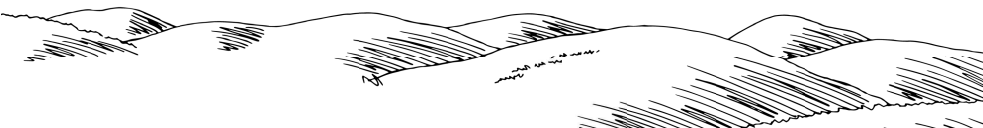
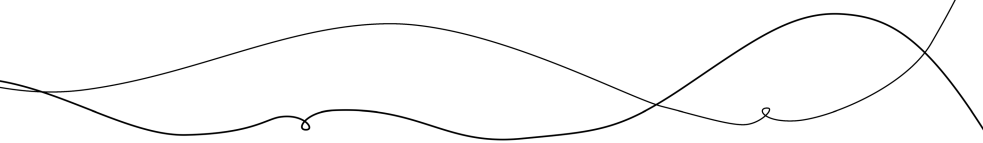

*Эта книга посвящается читателям
всех возрастов, которые когда-либо
приходили в отчаяние. Мой вам совет:
выбирайтесь оттуда. Любыми способами.
И не дайте себя расплести.*

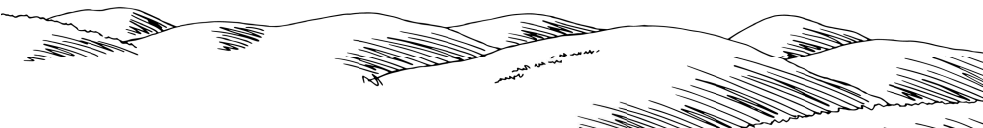

— Ты мне уже ничем не поможешь, мой господин. Со мной всё кончено. Мы оба не знали, что нас здесь ждёт. А вот теперь мы знаем, почему эти болота зовутся Болотами Печали. Печаль повисла на мне тяжёлой гирей. Она тянет меня вниз, и я тону. Спасения мне нет.

*Михаэль Энде
«Бесконечная история»*

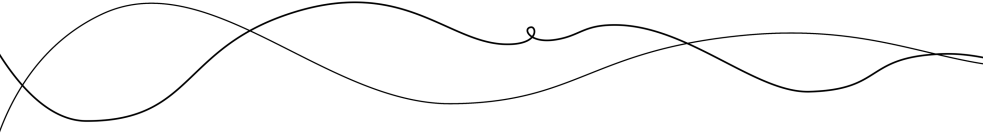

Глава 1

Бетти Бойл исполнилось двенадцать, и в этот день её жизнь кончилась.

Бетти Бойл звали, конечно, совсем не Бетти. Это было имя для родителей, вечно занятых деловых людей. Её папа предпочитал газеты и хороший табак, а мама проводила почти каждый вечер на светских приёмах. Школьная учительница, прагматичная мисс Сюзи Гвинн, называла её только Элизабет и никак иначе. По мнению всех этих взрослых, с самого детства Бетти должна была вести себя как маленькая леди. Окружающие считали, что из такого очаровательного ребёнка обязательно вырастет настоящая светская львица. В конце концов, уже в шестилетнем возрасте она оч-

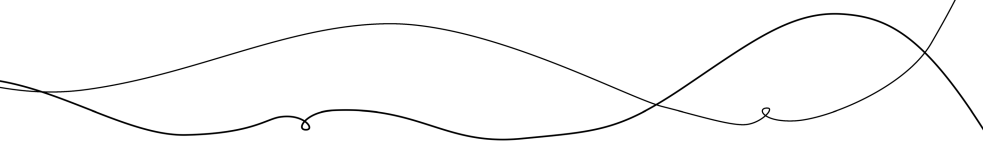

ровывала всех и каждого своими золотыми кудрями и синим платьем с большим бантом, а её умение петь песню про невинную овечку растрогало даже сварливую старушку миссис Дрейк, соседку из дома справа.

Правда, в последнее время кудри Бетти стали заметно короче, да и кукольные платья сменили порезанные джинсы. Бетти исполнилось двенадцать, и вся её жизнь была возложена на алтарь чёрной меланхолии.

И дело не только в том, что Бетти совершенно не хотелось становиться светской львицей и уподобляться напудренной и элегантной матери, и не в том, что мисс Сюзи Гвинн в очередной раз застучала её с книгой старинных легенд и отчитала — в строгой частной школе не поощряли чтение сказок и прочее запудривание мозгов. И, конечно, вовсе не в Артуре Ниме из её класса. О настолько «высоких материях» Бетти ещё и думать не полагалось (как были уверены и её мама, и мисс Сюзи Гвинн, и даже отец после нескольких серьёзных разговоров с мамой на кухне о том, что засматриваться на мальчиков Бетти не по возрасту, с этим согласился).

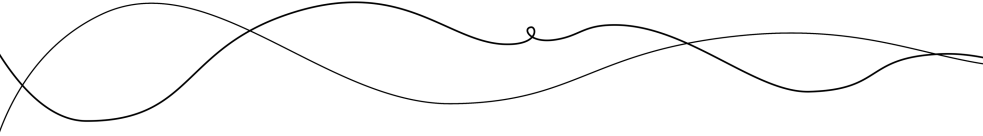
Дело в том, что родители поставили себе целью опекать Бетти и ограждать её от не-

желательного влияния и, возможно, немного перегибали палку. И во всём советовались с мисс Сюзи Гвинн, а не с Бетти. С Бетти они в принципе не очень-то общались.

В итоге казалось, что в её жизни не было ни единого лучика света, который мог бы рассеять тоску, нависшую над Бетти. У неё не было близких друзей, понимающей любящей семьи и не с кем было поделиться сокровенными, тайными мыслями.

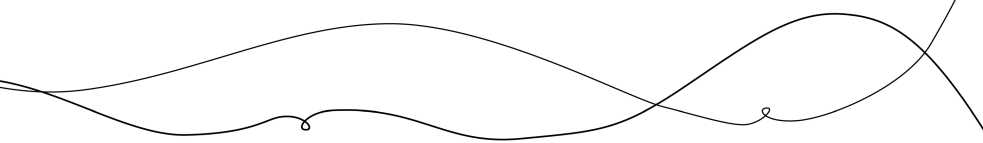
В её комнате с чёрными занавесками было пасмурно и сумрачно, хотя на улице стоял жаркий полдень и весеннее солнце согревало улицу Высоких Осин, на которой стоял особняк семьи Бойл. Но солнце и весна не могли порадовать Бетти. И ничто другое тоже не могло. Она знала, что внизу, в гостиной, мама, приодетая по случаю в лучшее платье, командовала слугами, чтобы те расторопнее накрывали на стол. Знала, что скоро привезут заказанный в самой модной кондитерской города торт. А ещё знала, что скоро придут дети, которых позвала её мама, потому что на дне рождения дочери обязательно должны быть друзья. Так, конечно, принято. Придёт задавака Энни Мораг, и рыжая Вивьен О'Брайен, и занудная Клара Поул, вечно по-

учающая всех вокруг и рассказывающая, как надо жить. Вот уж компания для двенадцатилетия, лучше не придумаешь!

Не то чтобы Бетти была изгоем... Но эти девочки, столь тщательно подобранные мамой ей в подруги, были словно из другого мира. У них не было общих тем для разговоров, и Бетти решительно не понимала, как можно целыми днями обсуждать мальчиков и туфли, как маленькие взрослые. Ей хотелось мечтать. Но её мечту душили скучные, банальные рамки, в которые она оказалась загнана.

Бетти тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. Взгляд её упёрся в рамку на тумбочке у кровати. Там вместо фотографии красивого мальчика вроде Артура Нима или хотя бы улыбающихся родителей на общем снимке стояла вырезанная из журнала картинка с элегантным вампиром. Вампир тоже не радовал, как и новая книга, купленная у старого букиниста, не говоря уж о предстоящем чинном вечере с чаем из старинного сервиза. Невыносимое занудство! В детстве она думала, что день рождения — это её праздник и она может сама выбирать, как его проводить. Собственно, так оно и было,

но со временем всё изменилось. «Её» праздник кончился. Теперь всё — от и до — было продумано её светской мамой и должно было представить дом Бойлов в наилучшем свете. Чего хотела Бетти — не имело значения. Да она и сама не знала.

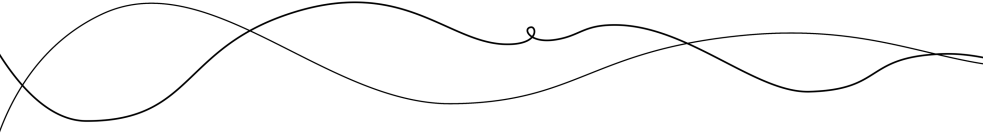
— Как хорошо, что сейчас не девятнадцатый век, — мрачно сообщила Бетти журнальному вампиру. — Иначе бы мама отправила меня на какой-нибудь дурацкий бал.

На бал Бетти не хотела, если это, конечно, не бал вампиров или фей, или хотя бы вечеринка в закрытом клубе «Носферату», но туда её не пускали: даже в лучших драных джинсах и с синей помадой она не могла пойти за шестнадцатилетнюю.

Ох и недовольной же выглядела мама!

Бетти перевела взгляд на часы. Равнодушные цифры показывали почти пять. Это значит, что скоро придётся всё-таки встать и найти в шкафу приличное платье, а потом спуститься к гостям и целый вечер сидеть с приклеенной улыбкой под строгим взглядом мамы...

У Бетти просто не было на это сил! Ей казалось, что с каждым днём она всё больше слабеет и никак не может играть во взрос-

лые игры и соответствовать ожиданиям. Даже в школу она теперь просыпалась с трудом. Ей было так плохо, не хотелось ничего, но взрослым разве объяснишь? У них есть свои планы на детей, и ты ничего не можешь им противопоставить.

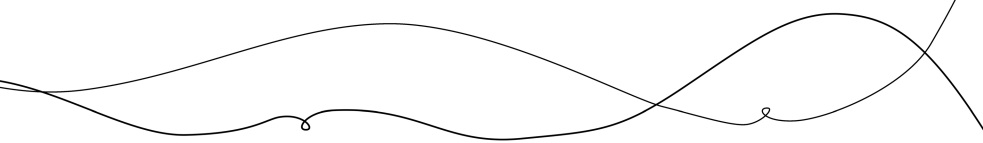
Разве только сбежать, как делали дети в глупых фильмах, но у них были силы и много энергии, а у Бетти нет ничего.

Ни свободы, ни веселья, ни даже настоящих друзей... Ей захотелось плакать, так сильно она себя жалела. Слёзы потекли самовольно, Бетти уткнулась лицом в подушку и горько зарыдала. Проплакав некоторое время, она уснула.

Ей снилось, что Ткачиха плетёт её жизнь.

Медленно, прядь за прядью, собирает в свои клешни длинные серебряные нити и связывает уже в свой красивый мерцающий узор. Она тянет и тянет, нить за нитью распуская душу, оставляя лишь оболочку, лишённую каких-либо радостей жизни. Ткачиха вытягивала пряжу её жизни, и Бетти во сне казалось, что она видит, как это происходит. Как нити тянутся прямо из её спины.

Во сне Бетти помнила всё.

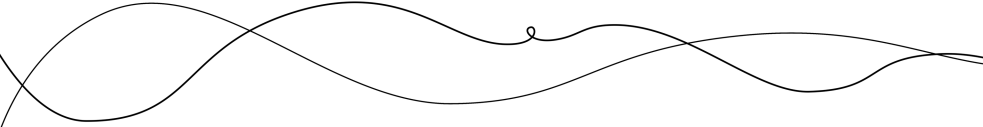
Она знала точно день и час, когда Ткачиха заинтересовалась ею. В тот день Бетти поссорилась с Артуром Нимом на заднем дворе школы, прибежала домой и была такой несчастной, что ей просто необходимо было выговориться хотя бы маме, но мама торопилась на очередной приём в честь какой-то заезжей звезды, и ей было не до дочери. Тогда Бетти так же лежала на кровати и плакала, и проклинала свою жизнь, и мечтала о том, чтобы кто-нибудь пришёл и забрал её, потому что жить стало незачем.

И пришла Ткачиха.

Это произошло полгода назад, и с тех пор Бетти постепенно становилась такой — не радовалась белому свету и сладостям, много спала и с трудом находила в себе желание хотя бы начать что-то делать. Потому что Ткачиха теперь по-своему плела её жизнь, и когда она закончит своё плетение...

— Я умру, — сказала Бетти вслух, открывая глаза.

Странный сон кончился, но остатки его, как часто бывает, ещё преследовали Бетти. Она осторожно огляделась. Она всё так же лежала на кровати ничком, обнимая подушку, и в комнате не было ничего необычного, кро-

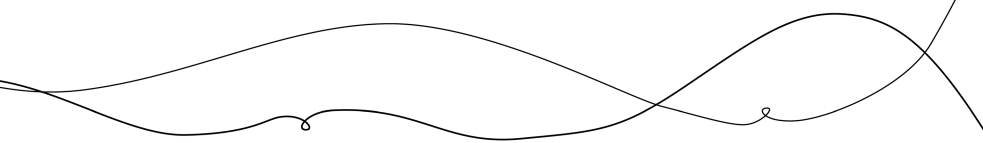
ме странного, скрежещущего звука, который был едва уловим и оттого казался ещё более жутким.

Бетти осторожно повернула голову и увидела, как от её спины тянутся две блестящие серебряные нити. Она села на кровати, стараясь двигаться очень медленно — вдруг эти нити легко порвать, что тогда будет? Подойдя к большому напольному зеркалу, она принялась изучать свою спину. Нити тянулись от лопаток назад, но ткань футболки была нетронутой. Кожа в том месте, откуда шли нити, словно онемела.

Это Ткачиха! Страшное озарение настигло Бетти, зеркало отразило, как сильно она побледнела.

— Но ведь если эти нити тянутся из моей спины, — хрипло сказала она вслух, в надежде, что звук собственного голоса её успокоит, — значит, они тянутся куда-то? Куда?

Бетти осторожно развернулась и проследила взглядом за тем, куда бежали нити. Серебристое сияние заканчивалось в самом тёмном углу комнаты, за платяным шкафом. Нити растворялись прямо в стене, по обоям растекалось чёрное неприглядное пятно.

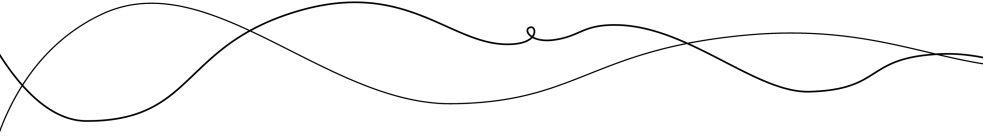
— Что это? — Мама Бетти была помешана на чистоте и регулярно требовала от дочери приводить комнату в порядок, поэтому девочка точно могла сказать, что ещё вчера никакого пятна не было.

Пятно пульсировало и жило своей жизнью. Бетти подошла ближе, протянула руку и коснулась его. Пальцы погрузились внутрь на несколько сантиметров, и девочке показалось, что она ощупывает что-то живое. Она вскрикнула и с отвращением отдёрнула руку. Пятно отпустило пальцы с противным чавкающим звуком. Нити остались внутри.

— Ткачиха... Ты там? — опасно спросила девочка, но в ответ не раздалось ни звука.

— Надо рискнуть! — Бетти продолжала говорить вслух. — Если Ткачиха расплетёт мою жизнь, я умру, так? Я откуда-то это знаю. В этом нет сомнения. Она выпьет мою жизненную силу, и от меня останется лишь хрупкая оболочка, кокон недоразвитой бабочки... Значит, я должна найти Ткачиху и помешать ей. Мама, конечно, не одобрит, но прежде чем я ей это объясню...

Бетти представила себе в красках, что скажет её рассеянная, думающая только о нарядах и бриллиантах мама, и помотала головой.

У них никогда не получалось говорить начистоту. Бетти не тешила себя надеждой, что мама остановилась бы хоть на мгновение, чтобы прислушаться к ней, а не отругать за неподобающий вид. Лучше она со всем сама разберётся, так будет намного быстрее. Было бы хорошо успеть до прихода гостей, конечно.

Она решительно стянула с дверцы шкафа брошенную там толстовку.

— Я иду! — сообщила Бетти и, сделав шаг вплотную к стене, подалась вперёд, прямо в пятно.

Оно всё с тем же чавкающим звуком всосало её внутрь.

Бетти открыла глаза и очутилась в крошечной тьме.

* * *

Ткачиха вздохнула.

И открыла глаза.

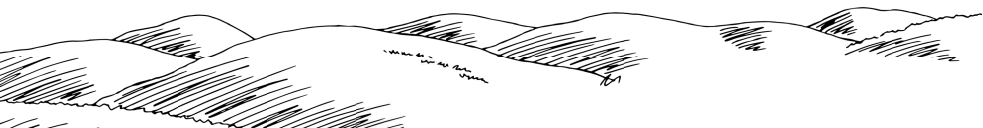
Множество, множество глаз в темноте.

Здесь была девочка.

Настоящая, живая девочка. Удивительно...

Это биение жизни...

Сладкая жизнь, идущая прямо в её ловушку...

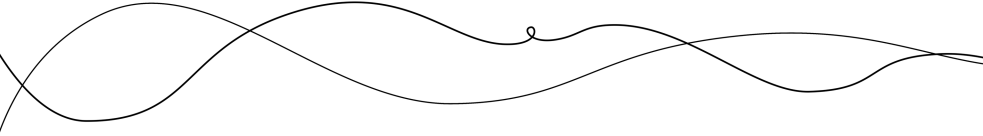
Глава 2

Чаще всего герои, попадающие в другой мир, в реальности никогда не покидали пределов своей собственной улицы.

Эта мысль пришла Бетти в голову неожиданно, ни с того ни с сего, и показалась оглушительной. Но это была мысль, пусть и непонятная, а если она мыслила, значит, она — правильно же? — существовала? Так, по крайней мере, утверждал какой-то из философов прошлого. Бетти ущипнула себя за руку, чтобы проверить догадку, и вскрикнула. Существовала, и ещё как! И даже, видимо, не заснула случайно, а в самом деле провалилась в чёрное пятно, куда привела её паутина из собственной спины...

Ткачиха!

Бетти вдруг вспомнила всё и принялась оглядываться, надеясь углядеть хотя бы маленький лучик света...

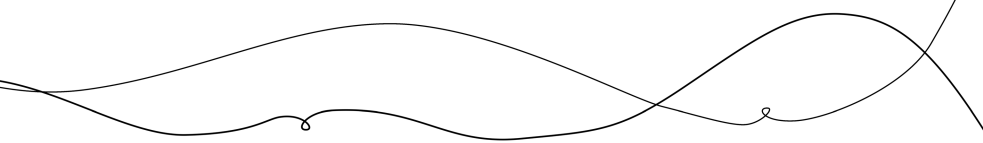
— Где это я? — спросила девочка в пустоту, но пустота ей ничего не ответила.

Глаза Бетти потихоньку привыкали к темноте. Теперь она видела, что вокруг неё не сплошной сумрак. Взгляд начал различать очертания стволов деревьев. Бетти присела на корточки и пощупала рукой то, что было у неё под ногами. На ощупь земля внизу ничем не отличалась от земли в парке в конце улицы Высоких Осин. Настоящая земля!

— Значит, это лес? — Звук собственного голоса, как и прежде, успокаивал девочку.

Бетти подняла голову и посмотрела на небо. Сплошная чернота, в которой поблёскивало ажурное плетение паутины — вот всё, что она увидела. Ни небесной голубизны, ни даже лунного лучика!

Бетти осторожно пошла вперёд. Она никогда не была в настоящем лесу, но слышала много историй про опасные ветки и насекомых. Её мама ужасно боялась веток и насекомых и всегда вычитывала в дневных газетах истории о том, как кто-то из горожан неудачно съездил в лес. Её очень беспокоило, что на

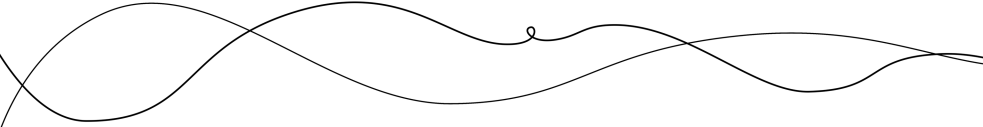
улице Высоких Осин жили целых три семьи, занимающиеся туризмом. К её счастью, у них не было детей возраста Бетти.

Правда, сейчас Бетти хотела бы, чтобы были. Или чтобы она чаще общалась с задавакой Энни Мораг, которую каждое лето возили отдыхать в какой-то дикий заповедник, что считалось очень престижным. Может быть, Бетти удалось бы уговорить маму тоже туда съездить, и тогда она хотя бы приблизительно представляла, что делать ночью в лесу.

— Хорошо, что у меня по крайней мере есть крепкие кроссовки, — успокаивала себя девочка.

Ей не хотелось думать о том, что скоро может похолодать. Или вообще наступит зима: в старых сказках зима часто налетала из ниоткуда. На ней, конечно, были джинсы и толстовка, но будет ли этого достаточно? Или ей может захотеться есть или пить, а магазинов с газировкой и всякой всячиной тут, конечно же, нет. Зато есть ветки и насекомые.

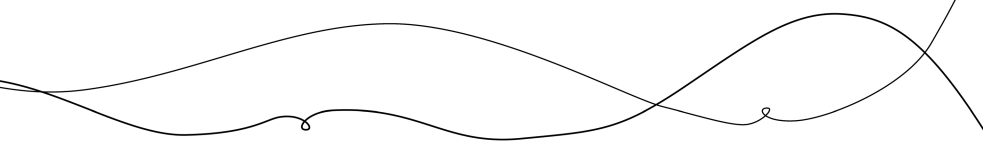
Хотя про насекомых — это ещё не проверено. Но ветки есть точно: они путались у Бетти в волосах. Её кудри уже не были такими длинными, как в детстве, но всё равно оставались густыми и мелко вились, и вы-

путать ветку из них было довольно сложно. Бетти остановилась и перевязала волосы тоненькой резинкой из тех, что всегда носила на запястье. Хвостик получился совсем маленький, зато теперь вцепиться в волосы стало сложнее.

— Ну что же... Время вспомнить сказки? — неуверенно сказала Бетти сама себе. В сказках героини смело и решительно шли вперёд, и, поразмыслив об этом, Бетти поняла почему. Потому что, когда ты оказываешься в незнакомом месте, где даже запахи другие и воздух ощущается иначе, тебе ничего другого не остаётся, кроме как идти вперёд.

Хотя теперь, когда Бетти точно знала, что она не умерла и не парит в невесомости, стало легче. Ну, подумаешь, ночной лес, всё случается в первый раз. Правда, её смущало отсутствие звёзд и луны на небосводе... Может быть, в этом мире и вовсе нет луны? Скептически настроенный Артур Ним, обожавший научную фантастику, наверняка поднял бы её на смех и принялся доказывать, что без луны и звёзд ни один мир не может существовать и быть обитаемым, но Артура Нима тут не было. И никого не было.

Сердце Бетти тоскливо сжалось — она ошутила себя совсем одинокой, гораздо более одинокой, чем была раньше.

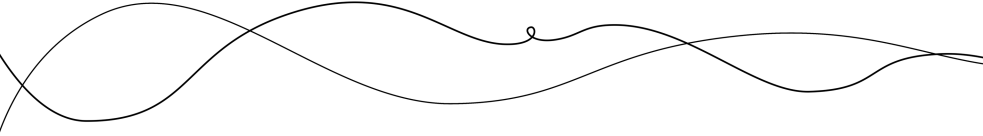
— Хоть бы этот мир был обитаемым! — воскликнула Бетти и испуганно прижала ладонь к губам. Иногда всё же лучше не торопиться с выводами. А то может получиться, как у тех завоевателей, что открыли Америку: на них напали аборигены и сильно покалечили. А Кука, говорят, вообще съели туземцы — хотя вот в это Бетти не очень-то верила. Что только не придумают, чтобы отвадить детей от приключений!

Хотя во всех приключенческих историях всегда находились добрые местные жители, которые помогали героям... Разглядеть бы их ещё в такой кромешной мгле, этих добрых местных жителей.

Пока что вокруг ни души.

И Бетти продолжала идти.

С каждым шагом она всё больше теряла уверенность в том, что идти вперёд было хорошей идеей. Говорят же, если потерялись — оставайтесь на месте. Ей вообще не следовало шагать в это пятно. Заметит ли мама её отсутствие? Конечно, заметит: когда подойдёт

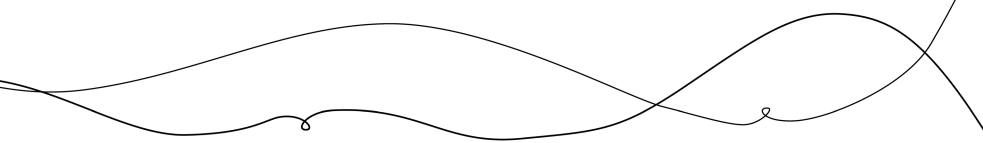
время прихода гостей. И будет очень сильно злиться на то, что Бетти куда-то делась.

Ей и в голову не придёт, что с Бетти стряслось такое.

Бетти остановилась и тяжело вздохнула. Она уже устала и не была уверена, стоило ли продолжать идти.

Вдруг что-то засветилось впереди. Обрадованная, девочка кинулась на свет, начисто забыв про возможные опасности вроде болотных огней из старых легенд. Она увидела свет и поспешила за ним, надеясь, что это лампочка или фонарик. Но это не было фонарём или лампочкой. Это было длинной и крепкой нитью, подобной той, которые Ткачиха плела из её жизни. Только эта нить казалась толще и старше — именно старше, и намного крепче всего остального вокруг. По крайней мере, ветки ломались от одного прикосновения, а нить не порвалась, только тихо завибрировала и натянулась. Она висела параллельно земле и уходила во тьму, растворяясь в ней. Другой её конец уходил в сторону еле заметного просвета среди древесных стволов.

Возможно, это была та же самая нить, которая привела её сюда. А может быть, весь этот странный, тёмный мир исчеркали све-

тящиеся тонкие нити? Так или иначе, ничего другого у Бетти не было.

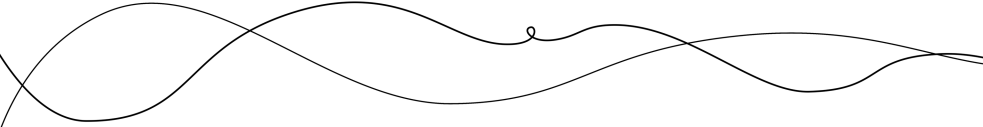
— Путеводная нить, — решила она. — Я назову тебя путеводной нитью.

И она поспешила за нитью, крепко сжимая на ней ладони и осторожно перебирая — так, как перебирают лазальщики по канату в цирке. Когда Бетти была совсем маленькая, на улицу Высоких Осин приезжал цирк, и там показывали разные трюки с канатом. Бетти помнила красивого канатоходца, кажется, она даже собиралась выйти за него замуж и уехать вместе с цирком, но мама запретила.

А вот теперь она сама почти канатоходец, скользит взмокшими от волнения ладонями по серебристой нити, которая ведёт её вперёд, туда, где был свет. По крайней мере, Бетти была уверена, что темнота посветлела.

И пусть серебристая нить манила её в неизвестность, она точно знала, что идёт куда-то, где будет лучше, чем посреди тёмного мрачного леса.

— Свет! Свет! — закричала вдруг Бетти, и это уже точно не могло быть самовнушением или обманом зрения. Небо впереди посветлело до васильковой синевы, и запах чувствовался иной: свежескошенная трава,

нагретая солнцем, — такой запах иногда стоит в парке на рассвете, пока там ещё совсем мало людей...

Бетти побежала вперёд, скользя рукой по нити, чтобы не потерять направление. Она бежала на запах и свет, пока темнота совсем не выпустила её из своих мрачных объятий. Бетти рассмеялась, споткнулась о какую-то корягу и растянулась поперёк залитой солнцем лесной тропинки.

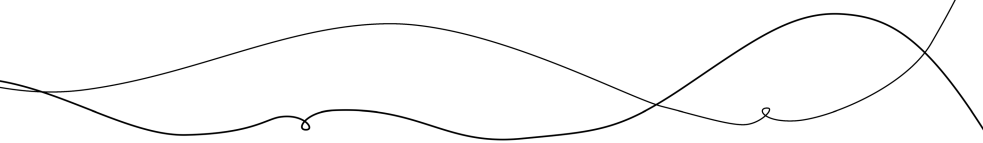
— Вы в порядке? — осторожно спросил кто-то сверху. На тропинку перед Бетти упала длинная тень.

Девочка перевернулась на спину и сощурилась, прикрыв ладонью глаза от яркого солнечного света. В другой руке она по-прежнему крепко сжимала нить, всё ещё струящуюся вдоль земли. Она потеряла натяжение и провисла. словно что-то, что держало нить со стороны беспросветной тьмы, ослабло.

— Вы в порядке? — повторил голос.

Голос, как и тень, принадлежал высокому человеку в красной клетчатой рубашке. Бетти села на землю и вымученно улыбнулась:

— Да, мистер, я в порядке.

Ничего не было в порядке, и Бетти не была в порядке, но вежливость требовала ответить именно так.

— Вы вывалились прямо из ниоткуда. Так разве поступают?

— Иногда приходится, — пожала плечами Бетти. — Я пришла из чёрного-чёрного леса, там было так темно, и только эта ниточка светилась. Я пошла за ней и пришла сюда.

— Ниточка? — Человек в клетчатой рубашке резко наклонился и выхватил длинную серебряную нить из руки Бетти. — Не может быть...

Бетти посмотрела на него, поражённая внезапной догадкой.

— Мистер... — осторожно спросила она. — Это ваша?..

* * *

Ткачиха наблюдала.

Такого...

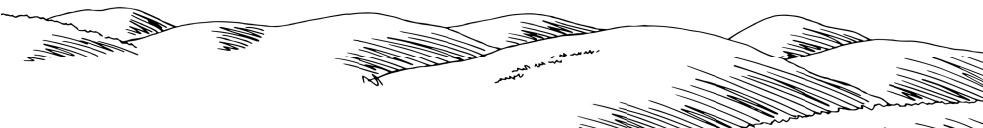
Такого ещё не случалось с ней.

Это было... интересно.

И вкусно.

Определённо... Вкусно...

Живой девочки здесь не было ещё никогда... Это должна была быть самая вкусная трапеза в её жизни.

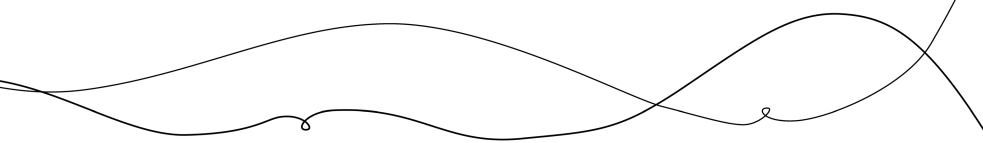

Глава 3

— **П**редставь себе, девочка, и вправду моя. — В голосе человека в клетчатой рубашке звучала неуверенная радость. До этого момента Бетти никогда не слышала, чтобы взрослые так говорили.

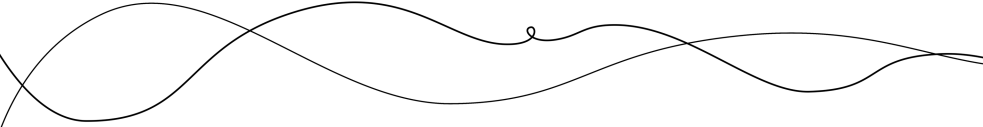
Он присел рядом с ней на корточки, внимательно изучая нить. Теперь у Бетти появилась возможность хорошенько его рассмотреть. У человека в клетчатой рубашке были длинные и совершенно седые волосы, связанные в неаккуратный хвост, такие тонкие, что казались похожими на паутину. Лицо и руки покрывали еле заметные шрамы, похожие на швы у тряпичной куклы. Бетти невольно подумала, что он выглядит так, как будто был неловко сшит. Сравнение показалось не

слишком приятным. Не очень вежливо называть куклой живого человека, пусть даже и в мыслях. Но он был правда похож! Весь какой-то длинный, нескладный и с серыми-серыми глазами. Бетти очень понравились эти глаза: они внушали доверие.

Девочка успела было подумать, что нехорошо так откровенно разглядывать незнакомого человека, но в этот момент произошло кое-что, что заставило её забыть о правилах приличия и смотреть, приоткрыв от удивления рот. Человек в клетчатой рубашке подтянул к себе всю нить и теперь держал её в горсти. Нить едва заметно мерцала и переливалась в его руках. Такого света девочке ещё не доводилось видеть, на ум приходили образы вроде звёздной пыли или пыльцы фей — в общем, самых сказочных вещей. В конце концов, это была волшебная нить, путеводная, которая вывела её к этому человеку, в светлый солнечный день.

Человек в клетчатой рубашке тем временем поднёс ладони с мерцающей нитью ко рту и открыл его. То, что произошло дальше, поразило Бетти до глубины души. Когда человек открыл рот, тот засветился серебристым мерцанием, и незнакомец гулко загудел,

всем телом. А потом погрузил кончик нити внутрь и проглотил её целиком, и, пока нить не исчезла в его рту, он не прекращал гудеть и светиться. Бетти не могла отвести от него глаз.

Наконец человек в клетчатой рубашке повернулся к ней. Казалось, он вообще успел забыть о её существовании. В его чистых серых глазах вспыхнуло и погасло удивление. Он широко улыбнулся:

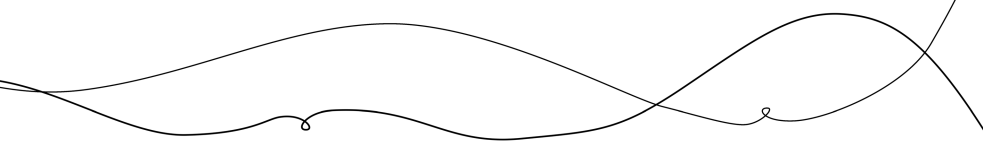
— Спасибо тебе, девочка.

— Да, в общем, не за что, — растерялась Бетти. — Это вам спасибо. Ваша нить вывела меня из тёмного леса.

— Из тёмного леса? — переспросил человек в клетчатой рубашке. — Оглянись, здесь нет никакого тёмного леса!

Бетти послушно огляделась. В самом деле, она находилась на залитой ярким солнцем лесной опушке, окрашенной в осенние золотисто-красные цвета. Земля под ногами была мягкой и слегка пружинила, наверное, из-за хвойного ковра, устлавшего всё вокруг.

Контраст с непроглядной тьмой чернильно-чёрного леса, из которого она пришла, был настолько разительным, что у неё даже поднялось настроение. А вместе с ним просну-

лось любопытство. Всё ещё было как в тумане, но по крайней мере она могла интересоваться происходящим.

— А что это за место? — спросила она.

— Это Тени. Мы здесь живём.

— Вы? Кто вы?

— Расплетённые, — коротко ответил человек в клетчатой рубашке и выпрямился во весь рост. — И если ты говоришь, что шла через тёмный лес и оказалась здесь, то лучше нам убраться куда подальше.

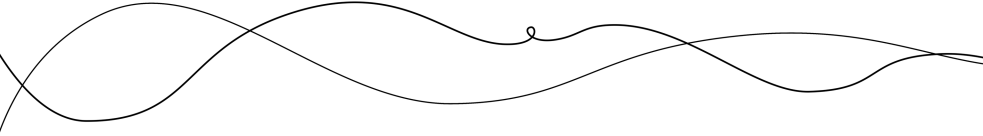
— Расплетённые?.. — Бетти прижала ладонь ко лбу. Догадка, пришедшая ей в голову, казалась слишком невероятной. — Так вы знаете о Тка...

— Тсс! — Человек в клетчатой рубашке зажал ей рот.

Бетти удивлённо похлопала глазами, а потом кивнула, показывая, что всё поняла и будет молчать, и тогда он её отпустил.

— Идём отсюда. — Он взял девочку за руку и потянул за собой.

Бетти не сопротивлялась. Не то чтобы ей было всё равно, куда идти, но она не знала, где находится, и вообще мало что понимала (кроме того очевидного факта, что нигде поблизости от улицы Высоких Осин не было

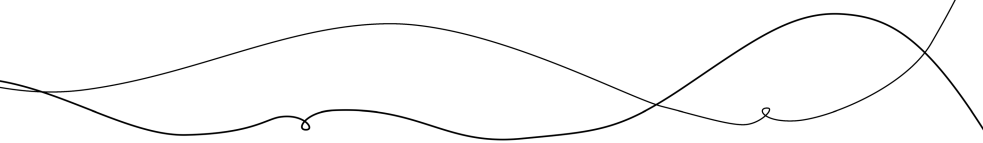

места, носившего название Тени). Поэтому возможность пообщаться с местным жителем она упускать не собиралась. Тем более с таким странным. Который, судя по всему, мог дать ответы на многие вопросы. Например, как выбраться из этого места?

Человек в клетчатой рубашке шёл вперёд широкими, размашистыми шагами; у него были длинные ноги, и он легко переступал через камни и коряги, то и дело встречающиеся на пути. Бетти считалась высокой девочкой, в классе мисс Сюзи Гвинн она вообще была выше всех, кроме, разве что, Артура Нима, но своему неожиданному спутнику она едва доставала головой до плеча. Поэтому ей было сложно идти с ним наравне, несмотря на то что он вёл её за руку: очень скоро она выдохлась и взмолилась о передышке.

— Я думаю, уже можно устроить привал, — огляделся человек в клетчатой рубашке. — Мы достаточно далеко ушли от того места, где ты появилась. Можно надеяться, что здесь нам ничего не угрожает.

— Да уж... — Бетти всё ещё пыталась отдышаться после забега по лесу. В боку отчаянно колело. — Теперь вы мне всё расскаже-

те? Что за Тени? Где мы вообще? И кто вы такой?

Человек в клетчатой рубашке звонко рас- смеялся.

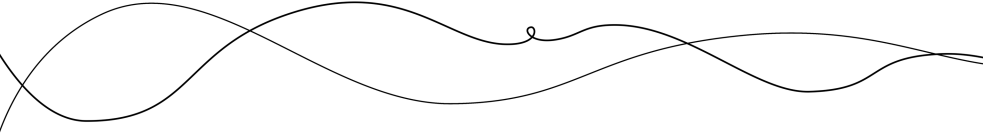
— Как невежливо с моей стороны! — воскликнул он. — Я не представился и твоего имени не спросил. Совсем растерял все ма- неры. Меня называют Рубашечник. Это пото- му, что я всегда ношу эту клетчатую рубашку. А тебя как называют?

— Бетти, — сказала Бетти и тут же спох- ватилась: — То есть, конечно же, Элизабет. Элизабет Бойл.

И она неуверенно протянула ему руку. До сих пор ей не приходилось проявлять ма- неры на лесных тропинках.

— Но можно же Бетти? — уточнил Руба- шечник, вежливо пожимая её пальцы.

— Можно, — кивнула Бетти и села прямо в траву. Она чувствовала себя очень вымо- танной. Она и без того уже так долго жила из последних сил из-за Ткачихи... Прогулка по лесу стала последней каплей. Возможно, если бы она была одна, то легла бы в мягкую хвою и поспала немного, но сейчас ей боль- ше всего хотелось расспросить своего нового знакомого обо всём.

— Рубашечник — такое странное имя... Оно больше похоже на прозвище... Простите.

— Тебе не за что извиняться, — поспешил успокоить её Рубашечник. — Это ведь на самом деле прозвище. Своего настоящего имени я не помню. Я слишком поздно попал сюда.

— Сюда — это в Тени? Как вы сюда попали?

— Я... меня расплели.

— Вы уже говорили. Ткачиха, да? — Бетти невольно понизила голос.

Рубашечник печально кивнул:

— Да. Ткачиха расплела мою жизнь, и с тех пор я брожу по Теням и пытаюсь вернуть её обратно.

* * *

Голоса — живые, слишком живые для этого тихого места — раздавались совсем близко.

Ткачиха смотрела сотней глаз, как двое шли по лесу, по обманчиво светлому лесу, свет в котором был лишь отражением её первозданной тьмы.

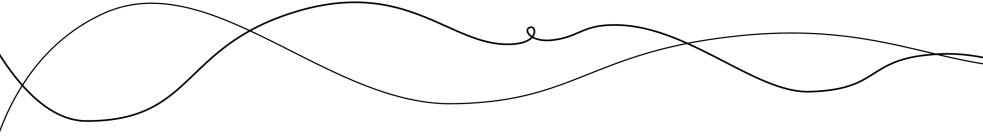
И предвкушала.

Глава 4

— Я был циркачом. Ездил с бродячим цирком, показывал разные фокусы. — Рубашечник опустился рядом, взял веточку и начал выписывать на песке бесформенные узоры. — Жил в вагончике, ездил из города в город, репетировал каждый день — и это было весело. Новые города и страны, никаких границ, постоянно новые люди, новые встречи и знакомства. Мне всё это нравилось до поры до времени. Мои родители тоже были из цирка, у нас был целый семейный номер, мы акробаты... А потом всё изменилось. Новые люди, новые места... Одним словом, однажды я влюбился и захотел всё изменить. Осесть, остепениться, завести маленький домик, может быть, даже получить образование.

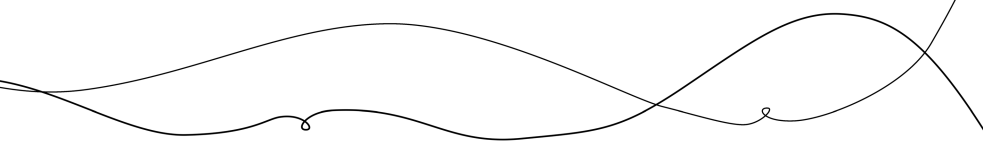

И тут выяснилось, что это совершенно невозможно. Нельзя просто взять и оставить цирк. Если ты так сделаешь, то на тебя косо посмотрит твоя бродячая семья и не примут там, в большом мире извне. Потому что для них ты другой, неправильный, ты — развлечение, минутная вспышка... В общем, не получилось. А семья... Они, конечно, приняли меня назад, но... Они сочли, что я их предал. Всё равно всё изменилось. Осталось только одиночество. Моя возлюбленная оставила меня, а ведь она была моим светом. Этот свет погас, и наступила тьма. Было паршиво. В какой-то момент я проснулся и понял, что не хочу ничего. Даже вставать с постели. Но всё равно вставал и шёл на арену. И вот тогда я захотел, чтобы мою жизнь у меня кто-нибудь забрал и выдал вместо неё какую-нибудь другую. А лучше просто забрал. Чтобы меня никогда больше не существовало... — Рубашечник замолк. Глаза его погрузнели.

— И тогда пришла Ткачиха и расплела вашу жизнь? — осторожно спросила Бетти.

Рубашечник кивнул:

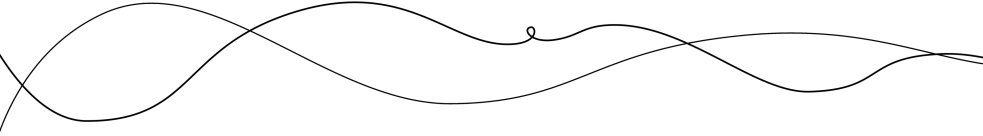
— Так и произошло. А я ничего не замечал до самого последнего момента. Только всё меньше и меньше хотел жить. А однажды всё

закончилось. Я открыл глаза и был уже здесь. И не помнил ни кто я такой, ни откуда...

— Но ведь вы сейчас рассказали мне свою историю, — не поняла Бетти. — И тут же говорите, что не помните...

— Я не помнил её тогда, — поправил Рубашечник. — Я не умею бездельничать. Просто не приучен к этому. Поэтому я решил, что не буду бесцельно бродить по Теням. Однажды я заметил, что вокруг меня столько нитей... И они все разные. Я попробовал ухватить одну, другую... Ничего не происходило, пока однажды мне в руки не попала нить, которая завибрировала в руках. — Он немного приосанился и повеселел, явно довольный собой. — Не помню, как именно я решил попытаться её съесть, но я это сделал. В тот же миг я вспомнил цирк. Это было первое воспоминание, которое я нашёл. И с тех пор я решил во что бы то ни стало собрать свою память обратно. Видишь, мне это уже удаётся. И с каждым разом всё лучше и лучше. Та нить, благодаря которой мы с тобой встретились, как раз вернула воспоминания о любви... И о последствиях, к которым любовь может приводить. А вот имени своего я всё никак не найду.

— И давно вы... так?

— Очень давно, — печально ответил Рубашечник, и Бетти решила больше не уточнять.

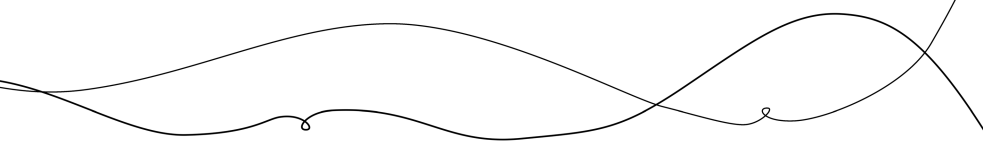
— Знаете, Ткачиха ведь и мою жизнь плетёт. Я пришла сюда, в этот мир, по собственным нитям. Вышла из своей комнаты и провалилась в какую-то непроглядную темень. Сначала думала, что умерла, потом — что уснула... Но всё по-настоящему, как бы невероятно это настоящее ни выглядело. Знаете, сегодня же мой день рождения... — Бетти растерянно осеклась. Она совсем забыла про день рождения! Как она могла...

Может ли получиться так, что она забудет и про другие свои дни рождения, и про маму и папу, и про Артура Нима, и про школу, и про книжки? Станет бродить без памяти и цели здесь, как этот человек в прошлом... Бетти вздохнула.

Рубашечник же, услышав её, оживился:

— Правда?

— Правда, — кивнула Бетти. — Мне исполнилось двенадцать. Сейчас я должна сидеть в красивом платье за столом и слушать поздравительные слова, которые вежливо говорят Энни Мораг и Клара Поул, которых

позвала мама, потому что этого требуют приличия.

— Это очень печально — встречать свой двенадцатый день рождения с людьми, которые с тобой только ради приличия, — сокрушённо покачал головой Рубашечник. — А как бы ты хотела отпраздновать?

— Я... Я бы пригласила Артура Нима — это мальчик из моего класса, он очень умный, — и мы пошли бы на дискотеку в клуб «Носферату». Там очень здорово: всегда приглушённый свет, соответствующая музыка, и вообще.... Самое готичное место в городе! Но меня туда пока не пускают, туда до шестнадцати лет нельзя. А раз не получится по-моему, почему бы и не порадовать маму? — Бетти пожала плечами.

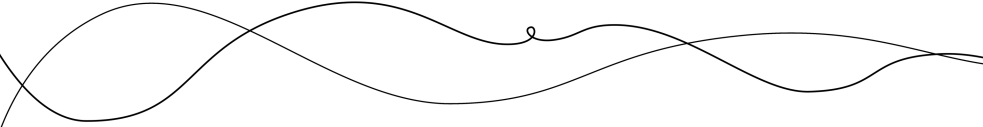
Рубашечник внимательно смотрел на неё.

— Пошли, — наконец сказал он и поднялся с земли.

— Куда? — удивилась Бетти.

— За мной. День рождения — это особенный праздник, мне всегда это говорили. Но я забыл свой день рождения и очень давно его не отмечал. Поэтому давай отметим твой, Бетти Бойл?

— Давайте...

— А на день рождения должен быть торт! Но торта я в Тенях не найду, зато есть кое-что не менее замечательное. Не отставай!

Он поспешил вперёд по тропинке, и Бетти снова едва поспевала за его широкими шагами.

— А это далеко? — крикнула она, споткнувшись об очередную коварную корягу.

— Близо! — откликнулся Рубашечник. — Почти пришли. Смотри!

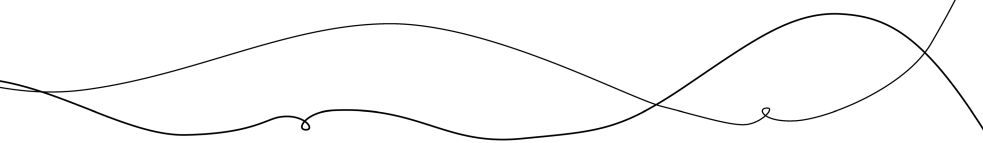
Он свернул с широкой лесной тропы и скрылся между деревьями с густой листвой. Если бы не яркая расцветка его рубашки, Бетти бы потеряла его из виду. Через несколько шагов ей удалось догнать спутника. Он стоял на краю крошечной поляны. Везде, куда ни падал взгляд, росла земляника. Опушка словно была покрыта красно-зелёным ковром.

— Сколько ягод! — воскликнула Бетти. — Я никогда не видела столько сразу! А их безопасно есть?

— Конечно. Это же земляника. Хорошая замена торту?

— Просто отличная! — Бетти присела на корточки и стала срывать крупные спелые ягоды и собирать в ладонь. — Спасибо, Рубашечник!

— С днём рождения, Бетти Бойл!

Земляника оказалась удивительно вкусной. Словно в ней сконцентрировалось всё хорошее, что только оставалось в этом странном мире. Возможно, дело было в солнечном свете на краю абсолютной тьмы.

— Почему она такая?... — Бетти помолчала, пытаясь поточнее описать вкус ягод.

Таких она точно не пробовала, хотя её мама регулярно посылала слуг на фермерский рынок за самыми свежими продуктами.

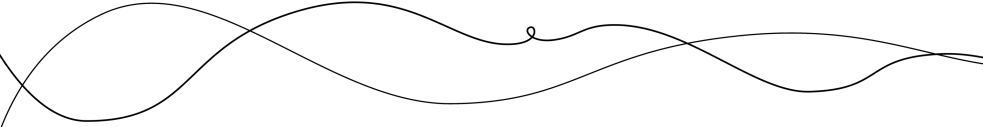
— Кто его знает, — пожал плечами Рубашечник.

— А здесь вообще много съедобных ягод?

— Много. Здесь ты можешь есть что угодно. Здесь больше всего жизни. Возможно, как раз из-за близости к логову Ткачихи.

— Здесь — это где?

— Место, в котором мы находимся, называется Лес. Он часть Теней. Самая светлая и безопасная их часть. Поэтому, как я и говорил, мы здесь живём. Те, кого расплела Ткачиха. Ближе к Сердцу, как ни странно, безопаснее. Я уверен, что Ткачиха не ожидает, что кто-то подойдёт так близко, и можно незаметно искать свои нити. Хотя больше нитей, конечно же, в Холмах, зато тут не надо постоянно оглядываться.

— А Тени — это вообще что?

— Это её мир, созданный из наших снов. Из наших жизней, проще говоря. Каждая нить добавляет силу Теням.

— А выбраться отсюда можно?

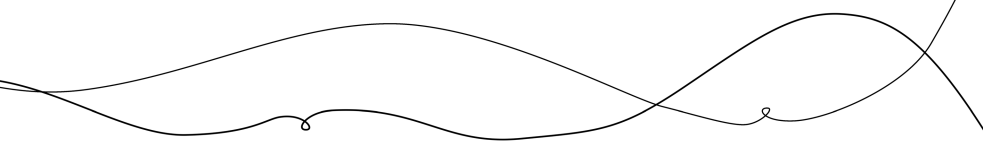
— Я не знаю. Если тебя расплели... Я слышал старую легенду, что если ты соберёшь все свои нити, то сможешь вернуться обратно. Но я уже не знаю, правда это или нет. Когда я только попал сюда, то сильно в это верил. Но я так долго здесь брожу и до сих пор нашёл так мало. Я уже потерял надежду.

— Рубашечник, миленький! — закричала Бетти. — Но меня же не расплели!

— Не может быть! — Рубашечник словно взглянул на неё по-новому.

— Ткачиха только начала меня расплетать! Я человек, настоящий, из плоти и крови, я живая! Ну, так мне кажется... Скажите, пожалуйста, скажите, я смогу отсюда уйти? В этом Лесу, может быть, и хорошо, земляника и солнце, но я хочу домой! Я как вспомню чёрную тьму, через которую шла...

— Наверное, ты попала в самое Сердце Теней, — стал размышлять её собеседник, рассказывая взад-вперёд. — Никто из нас

никогда там не был. — Рубашечник остано-
вился и покачал головой. — Есть один путь.
Я не могу и ничего не буду тебе обещать. Но
я проведу тебя через Тени.

* * *

Жизнь текла по серебристым нитям. Она
засасывала её, погружая прямо в ненасытное
брюхо.

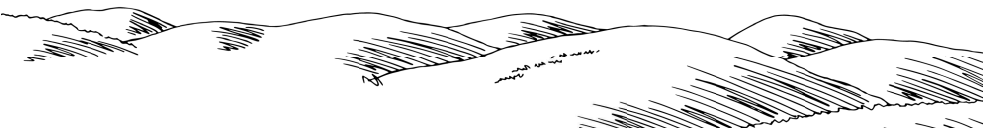
Ей надо было больше...

Больше...

Её глаза — тысячи её глаз — щурились от
восторга.

Такого пиршества здесь у неё ещё не слу-
чалось.

Такое она хотела испробовать уже давно.
И теперь жаждала большего...

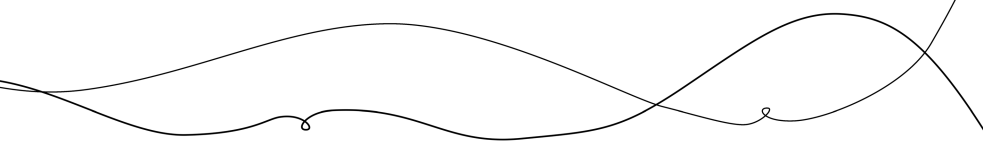
Глава 5

Некоторое время они шли молча. Бетти пыталась переварить то, что узнала об этом мире.

Получается, что спасения отсюда, скорее всего, нет? Выйдя из темноты, она решила, что умудрилась ловко сбежать от Ткачихи. Как глупо было думать, что можно скрыться от Ткачихи в её собственном мире! Бетти, как могла, прогоняла от себя грустные мысли, но они возвращались вновь. Значит ли это, что она больше не увидит маму? Отца? Не перешагнёт порог собственной комнаты, не поболтает с Артуром Нимом... Не сделает ничего. Тоска навалилась на неё с новой силой.

Рубашечник был погружён в свои мысли. Он не произнёс ни слова с того момента, как

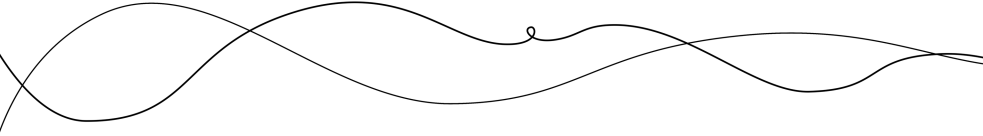
они выяснили, что дни Бетти, по сути, сочтены.

Бетти понятия не имела, куда они идут, просто уныло плелась за Рубашечником по лесной тропинке — даже солнечный день не радовал её. Казалось, чёрные чары Ткачихи, которые на некоторое время оставили её, вернулись с удвоенной силой. Не хотелось ничего.

А ещё Бетти теперь всё время казалось, что за ней наблюдают несколько пар внимательных глаз.

Хотя на самом деле желания у неё всё же были: стоило Рубашечнику раздвинуть кусты, охранявшие от посторонних взглядов красивый родник с ледяной прозрачной водой, как Бетти вдруг захотела пить. Она подставила сложенные в горсть ладони под воду и напилась досыта.

Вода показалась ей слаще кока-колы, хотя раньше она была уверена, что вкуснее кока-колы напитка точно не изобрели. И уж тем более какая-то вода не может с ней сравниться! Это было что-то живое, что-то настоящее, особенно ценное после страшного чёрного места. Она просто не могла оторваться от источника. Рубашечник дождался, пока девочка утолит жажду, и тоже попил немного. Бетти сидела на

камнях возле родника и рассматривала его лицо. Сейчас она хорошо могла разглядеть шрамы, тянущиеся от его глаз к вискам и убегающие ото рта на шею и дальше, за воротник рубашки. Видимо, Бетти привыкла, потому что шрамы уже не казались ей отталкивающими. Наверное, дело было в красивых глазах Рубашечника и в трепетной родинке над губой. Бетти всегда нравились люди с такими родинками. Они казались ей особенными, отмеченными судьбой. Такие лица не портят никакие шрамы.

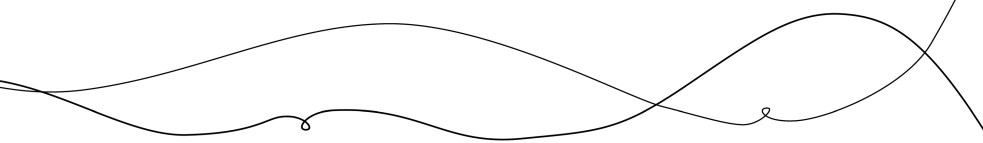
Рубашечник, заметив, что она с любопытством его разглядывает, смущённо отвернулся.

— Эти шрамы, — поспешила задать вопрос Бетти. — Они?..

— Исчезают со временем, — нехотя объяснил Рубашечник. — Когда я здесь появился, я был весь словно сшит из распадающихся кусков. А теперь, как видишь, даже стал похож на человека.

В подтверждение своих слов он закатал до локтя рукав рубашки и показал предплечье, на котором паутина шрамов поблекла и почти уже исчезла. Если не присматриваться, то и не заметишь.

— И так со всеми... Расплетёнными? — осторожно уточнила Бетти.

Хотелось заранее понимать, что её теперь ждёт.

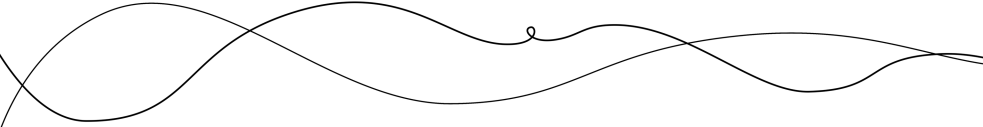
Рубашечник рассмеялся:

— Вовсе нет! У каждого своя судьба. И в Тени каждый существует таким, каким получается. Кто-то вовсе теряет человеческий облик. Кто-то становится совершенно иным созданием. Или облаком. Или перекатиполем. А кто-то сохраняет прежний облик, но, увы, остаётся лишь оболочкой самого себя прежнего. Уж не знаю, от чего это зависит, никогда не интересовался. По правде говоря, всё, что меня интересует, — это мои нити, а остальное...

— Значит, если Ткачиха расплетёт меня, я могу оказаться какой угодно? — При мысли о том, что она может развалиться на части или превратиться в облако, Бетти подурнело.

— Лучше бы она вообще не успела тебя расплести. — Рубашечник перестал смеяться и нахмурился. — Если это вообще можно остановить. Но попробовать стоит. Я уверен: самое главное — вывести тебя отсюда до того, как она закончит.

— И... сколько у меня времени? Как вы думаете?

— Не знаю. — Рубашечник поглядел на неё снизу вверх, присел рядом и накрыл ладонью её ладонь. — Я же не специалист. Всего лишь циркач, который знает чуть больше, чем ему полагается. Я могу только попробовать отвести тебя туда, где, может быть, есть выход. Но велика вероятность, что я только приведу тебя к гибели.

— У меня нет выбора, — пробормотала Бетти. — Вы единственный, кого я вообще встретила здесь. И с вами безопасно.

Безопасность в этом месте была чем-то весьма условным. Но Бетти сейчас пошла бы, наверное, за кем угодно, лишь бы подальше от логова Ткачихи. Хотя толку, если всё здесь — её мир?..

— Это верно, — криво улыбнулся Рубашечник. — Я безобидный. А с некоторыми лучше не встречаться даже в Лесу.

— Почему?

— Есть Расплетённые, которые служат Ткачихе. Они бродят по Теням и разыскивают и уничтожают таких, как мы, одиночек, пытающихся собрать себя обратно. Мы же, получается, обкрадываем Ткачиху, забираем обратно из её мира свою жизнь. А она этого не любит.

— И много таких?